

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

МИЛОСТЬ КО ВСЕМУ ЖИВОМУ

Наш собеседник —
Белла Ахмадулина

но возвышенный интерес.

— Вышла ваша новая книга «Тайна». С ней, бесспорно, связаны ваши размышления о месте поэта в сегодняшнем мире?..

— Она писалась в уединении. При Оке, при небе, при больших полях. Само пространство предлагало свой диктант. Оно заставляло бежать вздора, суесть, искать душевной опрятности. Но в этом уединении не было желания отгородиться от людей. Нет, я писала, я старалась для вас! И важно было проповедовать доброту, милость ко всему живому, не поучать других, но брать на себя их печали. Это необходимо сегодня в тревожном нашем мире.

Для меня гармония — в том, чтобы совпала нравственная чистота и чистота русского слова в его неврежденности. Я обожатель всякой речи любого народа. Ибо достоинство народа выражается в его слове, в способности

сохранить свою историю, свою культуру, свои истоки и традиции. В новой моей книге много посвящений — Пастернаку, Ахматовой, Цветаевой... С Цветаевой, с Тарусой, где и сегодня чувствуется живое ее присутствие, особенно душевно связан новый сборник. В моих посвящениях нет литературной отстраненности, они живые соотнесенности в сегодняшнем мире. Я счастлива, что этих поэтов стали больше читать, что они многим дороги сегодня. Мои посвящения — и плата по неоплаченному долгу, хотя бы потому, что я в изытке, не как они, была одарена ответной любовью людей, люди были добры и ко мне, и к тому, что я писала.

Более всего я дорожу письмами читателей, их огромное количество, все они бережно хранимы. По ним можно судить о времени, в котором мы живем, они содеяны трудом души и ума.

— Не многие поэты могут гордиться чувством, побудившим вас написать: «Да будем мы к своим друзьям пристрастны! Да будем думать, что они прекрасны!». Товарищество в поэзии — неизменно ли оно сопутствует вам?

— Да, время идет, а нежность не меняется. С кем-то, может быть, я разошлась творчески, но дружба, но доверие остались. Я бесконечно ценю это пушкинское, это лицейское чувство верности друзьям. Самый счастливый пример моей жизни — Булат Окуджава. Старая наша дружба не претерпела с годами урона, а, напротив, углубилась. И художественно мы ближе всех иных друг к другу. Что может быть прекрасней способности поэта восторгаться своими собратьями, любить их. Вот как дружили Борис Пастернак и Тициан Табидзе, нам в память об этом остались не только переводы, переписка, но и нерасторжимая связь двух се-

мей, которая жива до сих пор.

— Перевод — как одна из драгоценнейших нитей дружбы. Каким, по-вашему, он должен быть?

— Таким, чтобы стихотворение могло существовать на другом языке, чтобы оно обольщало слух, чтобы в нем возродилась новая жизнь, умерщвленная в подстрочнике. И тут не нужно бояться потерь в точности. Музыка стиха важнее буквальных совпадений. Характерна в этом смысле судьба переводов из Галактиона Табидзе. Это самое заповедное имя в грузинской поэзии, от одного имени дух захватывает. Он весь состоит из музыки грузинской речи, а она сопротивляется существованию на другом языке. И поэтому истинное звучание его стихов было недоступно русскому читателю. Когда я взялась за эти переводы, я стремилась дать им новую музыку — русской речи. Я более всего ценю переводы, где есть живая вольготность и нет схоластики.

Значение поэтической музыки я ощущала особенно во время выступлений во Франции, Англии, Америке. Присила переводчиков очень кратко пересказывать лишь суть стихов. А люди внимали их звучанию.

— Вы слышали, как звучат ваши стихи на эстонском языке?

— Я знаю, что эстонский поэт Лезло Тунгал перевела мои стихи, они вышли отдельной книгой. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ей свою искреннюю благодарность.

Всегда храню в своей душе образ Таллина, его обаяние, этот подарок глазам.

Вела беседу
Е. СКУЛЬСКАЯ.
Фото Д. Пранца.